

Один прыжок - тысяча последствий

Прыжок в пропасть

Валери Култ

18+

Валери Култ

Прыжок в пропасть

«Автор»

2026

Культ В.

Прыжок в пропасть / В. Культ — «Автор», 2026

После трагического падения во время соревнований Рэй вынуждена оставить конный спорт. Потеряв любимого коня и веру в себя, она возвращается на ранчо к матери, пытаясь начать жизнь заново. Встреча с богатым покупателем лошади Тайлером перевернула жизнь Рэй. Между ними возникает притяжение, но его прошлое держат их отношения в напряжении. В мире, где каждый прыжок может стать последним, ей предстоит сделать выбор: остаться в безопасности или рискнуть всем ради нового начала.

© Культ В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ	5
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Валери Культ

Прыжок в пропасть

ПРОЛОГ

В крови бурлил адреналин. Сердце билось в такт ударам копыт, трибуны затихли, ветер свистел в ушах — впереди был последний барьер. Я стиснула зубы, сильнее сжала поводья и мысленно повторила: «У нас получится. Мы должны».

Я ощущаю, как напрягается мой конь. Приподнимаюсь в седле — его передние ноги отрываются от земли. Машинально жду привычного чувства полёта, но вместо этого чувствую резкий толчок — Песок хлынул в глаза, рассыпался на тысячи сверкающих точек. Слышу чей-то крик и с ужасом понимаю: он принадлежит мне.

Не успеваю открыть глаза — что-то тяжёлое обрушивается на меня. Боль мгновенно охватывает тело. Не знаю, сколько я пролежала, но ощущение лёгкости вернуло меня в сознание. Распахнув глаза, я увидела своего коня: он лежал на песке и пытался подняться, но незнакомые мне люди не давали ему это сделать.

— Оставьте... — еле прошептала я и погрузилась во тьму.

1 глава

И что ты предлагаешь — усыпить его?! — громко крикнула я в трубку.

Злость переполняла меня. Встав с кровати, я подошла к окну и резко отдернула тёмно-синие шторы. Свет ворвался в комнату и окутал приятный янтарным оттенком.

— Я предлагаю тебе самый гуманный вариант. Ты же видишь, как он мучается. Зачем пытаться его спасти, если это невозможно! — с такой же грубостью в голосе ответила Элис. — Послушай, я просто пытаюсь тебе помочь — а в первую очередь Папирусу, — чуть мягче добавила подруга.

Я закрыла глаза и тяжело вздохнула снова чувствуя, как вина сжимает горло

— Я приеду, и мы всё решим, — сухо произнесла и сбросила вызов.

Кинув телефон на кровать, я смотрела в окно — на проезжающие машины, на людей, которые постоянно куда-то спешат.

После того несчастного случая прошло девять месяцев. У меня была трещина в позвоночнике, сломана рука и сотрясение головного мозга. Врачи быстро смогли поставить меня на ноги, но моей лошади повезло не так, как мне: он сломал ногу, а в процессе наложения гипса повредил вторую.

Ноги лошадей эволюционировали для скорости, а не для регенерации. Если одна конечность повреждена, нагрузка на остальные увеличивается, что повышает риск новых травм. Они не могут долго лежать — это приводит к проблемам с пищеварением. Теперь шансы на восстановление ничтожны.

Я всеми силами старалась его вылечить, верила, что всё скоро наладится. Но сейчас Элис вернула меня в реальность, и я понимаю: другого выхода уже нет.

После полудня я отправилась на работу в ветеринарную клинику. Лекарства стоили дорого, и мне приходилось работать втрое больше — но я была готова на всё ради выздоровления своего друга.

Работа уборщицей не доставляла мне радости. Однако на другую должность меня не взяли — не было медицинского образования. А работать тренером по конному спорту я уже

не хотела: травма сильно повлияла на меня, появился страх снова сесть в седло. Конечно, это было не то, о чём я мечтала. Но пока я не могла думать ни о чём другом.

В раздевалке после рабочего дня было тихо и спокойно — но не в моей душе. Подойдя к зеркалу, я увидела всё ту же блондинку с голубыми глазами. «Хорошая фигура. Красивая улыбка.», — подумала я. Натянула футболку, скрывая то, что все считают «идеалом». Внутри — буря. Снаружи — картинка.

Дверь клиники хлопнула за спиной. Я осмотрела уже привычную улицу: фонари зажглись, прохладный ветер обдувал лицо.

Поправила пиджак и направилась к автобусной остановке — и вдруг я заметила, то, что насторожило меня еще утром: чёрный седан с тонированными окнами, без номерного знака. Обычно я не придаю значения таким вещам, но чувство, что за мной наблюдают не покидало меня.

Нервно теребя кольцо на среднем пальце, я прошла мимо автомобиля, краем глаза пытаясь уловить хоть малейшее движение. Но за стёклами была лишь тьма, которая кого-то скрывала. Тяжело вздохнув, продолжила путь до дома. Я слишком вымоталась, чтобы думать о чём-то, кроме постели.

Двери лифта плавно разошлись. Я прошла по светлому коридору. Мягкий свет падал на бежевый ковролин, а декоративные растения добавляли обстановке живые нотки уюта.

Подойдя к своей двери, я повернула ключ — дверь со скрипом открылась, словно приветствуя меня

Моя квартира не могла похвастаться дизайнерским интерьером, но была по-настоящему уютной. Серые стены гармонировали с небольшим диваном того же оттенка. Рядом, словно белоснежный островок, стоял журнальный столик.

Гостиная плавно перетекала в кухню: светлый кухонный гарнитур идеально вписывался в пространство, не нарушая общей гармонии.

Справа от входной двери скрывалась спальня. Её интерьер продолжал ту же спокойную цветовую гамму, создавая ощущение единства всего пространства.

Ступив в свое маленькое убежище и закрыв дверь, я тут же почувствовала себя расслабленной «еще один тяжелый день подошел к концу» подумала я про себя и ушла в спальню чтобы принять душ и переодеться в более комфортную одежду.

Открыв глаза, я осмотрела спальню. За окнами ещё была ночь, по телевизору шла какая-то передача. Бросила взгляд на часы, которые пылились на прикроватной тумбе: 2:23 АМ.

«Странно, что проснулась в такое время», — подумала я и повернулась на другую сторону кровати.

Только глаза начали слипаться, как вдруг резкий стук в дверь вырвал меня из расслабленного состояния. Подпрыгнув от неожиданности, я резко села на кровать и стала прислушиваться.

«Что за чёрт?» — шёпотом выругавшись и, словно мышь, бесшумно направилась к входной двери.

Снова — резкий и сильный стук. По телу пробежал табун мурашек, на лбу выступил холодный пот. Подойдя к глазку, я увидела молодого парня с цветами и какими-то бумагами.

— Если вы сейчас же не уйдёте от моей двери, я вызову 911! — крикнула я, не отрываясь от маленького отверстия. Старалась придать голосу смелый тон, но он предательски дрогнул.

— Девушка, постойте! Я из доставки цветов, пожалуйста, успокойтесь, — с беспокойством сказал парень.

Освещение в подъездном коридоре позволяло чётко его рассмотреть: серая потрёпанная футболка, застиранные синие джинсы и чёрные тканевые кроссовки. На голове — кепка с какой-то мелкой надписью; из под неё в разные стороны торчали каштановые волосы.

— Оставьте у двери! — уже более мягко произнесла я.

Я не собиралась открывать незнакомому человеку в два часа ночи. Каждый мог прикинуться доставщиком цветов.

— Девушка, мне надо, чтобы вы подписали документы о получении цветов, — робко заявил парень.

— Я повторяю ещё раз: оставьте цветы у двери. Если нет — проваливайте отсюда! — не скрывая злости, крикнула я.

Я не собиралась торчать у двери всю ночь. Если он не выполнит мои требования — пусть катится к чёрту.

— Я вас понял, — с ноткой разочарования ответил шатен. Опустил корзину с цветами возле моей двери, посмотрел на неё ещё раз и тихо зашагал к лифту.

Как только я услышала звук закрывающихся дверей лифта, резко открыла дверь, двумя руками схватила букет и втащила его в квартиру. Закрыв дверь на два замка, включила свет. Жёлтый свет озарил прихожую.

Я опустилась на колени и начала рассматривать корзину с невероятно алыми розами. На мой взгляд, их было не меньше пятидесяти одной. Повернув корзину другой стороной, я сразу заметила белый клочок бумаги, зажатый между бутонами. Взяв записку, поднесла её ближе, чтобы прочитать содержимое:

«После падения всегда бывают взлёты».

2 глава

Сегодня был самый важный день в моей жизни — решалась судьба Папируса.

После ночного недоразумения я проснулась на удивление бодрой, быстро собралась и поехала на конюшню, где под чутким наблюдением врачей находился мой конь. Мне ясно дали понять: сегодня я должна оценить всю серьёзность ситуации без розовых очков и принять решение, о котором мне не хотелось даже думать.

Открыв холодную тяжёлую дверь, я сразу бросилась к деннику¹ своего верного напарника. Ужас от увиденного приковал меня к земле.

Ранее шелковистая и блестящая чёрная шёрстка потеряла свою роскошь. Ребра выступали так резко, что казалось, будто он всю жизнь не съел ни крошки. Он лежал тихо, глаза были прикрыты, и лишь редкие вздохи давали понять, что он жив. Две ноги — в гипсе, перевязанные бинтами; к вене на шее была прикреплена капельница.

От увиденного глаза тут же наполнились слезами.

— Боже мой, Папирус... — дрожащим, тихим голосом произнесла я.

Распахнув дверь, я вошла к нему. Он даже ухом не повёл. Сев рядом, я начала гладить его по уже не такой шелковистой шёрстке. В горле образовался ком, слёзы предательски стекали по щекам. Я понимала: никакие лекарства ему уже не помогут. Нужно было принять решение, после которого всем станет лучше.

— Рэй, ну как ты? — тихо прошептала Элис.

Я подняла на неё полные слёз глаза. Она выглядела уставшей: светлые пряди собраны в небрежный пучок, в котором застряла солома; серые глаза были полны печали.

Отвернувшись и вновь посмотрев на Папируса, я собрала всю волю в кулак.

— Я согласна на его усыпление. Это эгоистично с моей стороны — так с ним поступать, — голос дрожал от слёз.

Панорамные окна местной закусочной «Kolache Factory» в Хьюстоне покрылись бусинками дождя. Одни капли замирали, другие стремительно срывались вниз, оставляя влажные дорожки — такие же, как слёзы на моём лице.

¹ это отдельное закрытое помещение в конюшне для индивидуального содержания лошади, где сч может находиться без привязи

Прошло несколько дней с тех пор, как я дала согласие на усыпление Папируса, но боль в душе никак не стихала. Я не могла спать по ночам: стоило мне прикрыть глаза, и в голове возникал расплывчатый силуэт нашей последней совместной прогулки.

Стерев ладонью остатки слёз, я продолжила листать ленту в социальных сетях, чтобы хоть как-то отвлечься.

Не знаю, сколько прошло времени, когда на мой телефон пришло уведомление от Карла. Мы работали вместе: я — простой полумойкой, он — талантливым ветеринарным врачом. Карл часто звал меня на прогулки и в кино, но я неизменно вежливо отказывала.

У него были светлые волосы, голубые глаза, подтянутая фигура и высокий рост — но он просто не был моим типом. Я не испытывала к нему ничего, кроме дружеских чувств, и всячески старалась это показать. Однако Карл либо не замечал моих сигналов, либо предпочитал их игнорировать.

Вот и сейчас он предлагал встретиться в ресторане — хотел поддержать в трудный период. Но его поддержка была мне совсем не нужна. Когда-нибудь я выскажу ему все прямо, но точно не сегодня.

Автоматически набрав вежливый отказ, я отправила сообщение и убрала телефон в сумку. Дождь уже стих.

Выйдя из закуской, я ощутила насыщенный аромат: влажный асфальт, свежая трава и остаточный запах дождя. Ощущение было непередаваемо — на мгновение мне даже стало легче.

Не успела я сделать и шага, как заметила на скамейке неподалёку что-то похожее на цветок и открытку. Любопытство пересилило — в тот момент я даже не подумала, что это может быть чей-то романтический сюрприз, который я невольно испорчу.

Подойдя ближе, я увидела одинокую белую хризантему и влажную от дождя открытку. Взяв её в руки, прочла:

«Впереди взлёт! Не останавливайся!»

«Кто же отправляет мне тайные послания?» — подумала я. Этот человек явно в курсе событий моей жизни. «Неужели он за мной следит?» — мысленно спросила себя. Тем не менее я взяла цветок и направилась домой.

Не дойдя до подъезда, я услышала, как кто-то окликнул меня по имени. Обернувшись, увидела бегущего ко мне Карла. Закатив глаза, я повернулась к нему.

— Карл? — спросила я с недоумением. — Ты что, следишь за мной? Я думала, мы всё уже обсудили.

В голосе невольно прозвучало раздражение.

— Я просто увидел, как ты подходишь, и решил проводить до дома, — с улыбкой ответил он.

Его ямочки на щеках, безусловно, были очаровательны — но даже они не могли пробудить во мне чувств к этому мужчине.

— Господи, Карл, пожалуйста... Мне сейчас совсем не до тебя. Я просто хочу пойти домой, лечь спать и завтра выйти на работу, — устало произнесла я, нервно размахивая рукой, в которой держала белоснежную хризантему.

— Я так понимаю, ты отказываешься от свидания, но уже конкретно со мной? — спросил он с недовольством. Его взгляд был направлен на цветок в моих руках.

— ты мне сейчас что-то хочешь предъявить? Если это так, то тебе стоит придержать свое недовольство, я не твоя девушка и ничем тебе не обязана! — громко воскликнула я.

Резко развернувшись я направилась в сторону дома. Как только я собиралась поднести ключ-карту к домофону, как краем глаза заметила тот самый автомобиль без номерного знака который я видела возле своей работы.

По телу пробежала дрожь, я пулей влетела в подъезд, быстро поднялась на свой этаж и с такой же скоростью закрыла свою входную дверь. Думаю моей скорости позавидует сам гепард.

Не включая свет я подошла к окну. Свет луны проникал в мою квартиру достаточно, чтобы я смогла что-то видеть и не врезаться мизинцем в первую же тумбочку.

Аккуратно выглянув в окно, я устояла на то место где минутой ранее стоял черный седан. Что за черт? Выругалась я. Что-то мне уже не нравится мой путь к взлету.

3 глава

Пролетали дни, за ними недели — мир жил своей жизнью, но не я. Уже три недели я не могла смириться со смертью Папируса. Всё казалось страшным сном: вот-вот я проснусь, и мы снова будем скакать по бескрайним полям, как прежде... Но пробуждения не наступало. И, похоже, уже *никогда* не наступит.

Я уволилась с работы, собрала вещи и отправилась к маме. Только она умела найти нужные слова, когда мир рушился, а душа превращалась в осколок.

Три часа в автобусе выжали из меня последние силы, но вид за окном стоил каждой минуты усталости.

Передо мной раскинулось зелёное поле — яркое, свежее, словно огромный мягкий ковёр, сотканный самой весной. Ветви деревьев шелестели, будто перешёптывались между собой, а ветер играл нежную мелодию. Вдалеке проступали очертания крыш — сараев и домов, знакомых с детства.

«Я дома», — прошептала я про себя и ступила на заросшую тропинку, ведущую к родному крыльцу.

Чем ближе я подходила к дому, тем отчётливее доносились знакомые звуки фермы: лай собак, кудахтанье кур, ржание лошадей. Я так давно не видела и не слышала этих прекрасных созданий — и теперь каждый звук отзывался в груди тёплой волной ностальгии.

У родителей была своя ферма. Отец мечтал о ней с детства — разводил породистых лошадей и продавал их. После его смерти всем занялась мама, но дело отца жило. Именно здесь, среди этих полей и конюшен, родилась и моя любовь к лошадям.

Осмотрев всё до мелочей — знакомые сараи, старый забор, цветущие кусты у ворот, — я заметила вдалеке маму. Она бежала ко мне, в руке — щётка для чистки животных. Не раздумывая, я бросила на землю сумки и кинулась к ней.

— Мама... Как я скучала! — голос дрогнул, и на глаза навернулись слёзы.

— Дорогая, как я рада, что ты приехала! — радостно воскликнула мама, раскрывая объятия.

Мы замерли, крепко прижавшись друг к другу. Объятия длились долго — не меньше минуты. В них было всё: невысказанные слова, боль утраты, поддержка и та особая теплота, что всегда связывала нас.

— Пойдём в дом, — тихо прошептала мама, слегка отстранившись и ласково проведя рукой по моим волосам. — Ты мне всё расскажешь.

Тихое тиканье старых часов, аромат свежее испечённого пирога и нескончаемые разговоры с мамой постепенно оживляли меня. Я впервые за долгое время почувствовала себя по-настоящему живой. Именно этого мне так не хватало.

— Работы сейчас на ферме много, — рассказывала мама, разливая чай по чашкам. — Я наняла несколько хороших работников. Они отлично помогают, так что теперь у меня появилось время и на себя.

— Я очень рада, мам, — с улыбкой произнесла я и поднесла ко рту вилку с кусочком жареного мяса.

— Думаю, теперь у тебя будет на одного работника больше, — проговорила я с набитым ртом, стараясь придать словам лёгкость, но голос всё равно дрогнул.

Мама замерла, ложка остановилась на полпути к чашке.

— Что ты имеешь в виду? Ты не собираешься снова возвращаться к тренерской деятельности?

— Думаю, я с этим покончила, — тихо ответила я, опустив взгляд в тарелку.

— Рэй, так нельзя! — в голосе мамы зазвучала тревога. — Я прекрасно понимаю твою боль, но жизнь идёт дальше. Я просто...

— Мам! — резко перебила я её, и в моём голосе прозвучала непривычная жёсткость. — Я приехала к тебе, потому что знала: ты меня поддержишь. Не заставляй меня усомниться в этом.

В комнате повисла тишина. Мама медленно опустила ложку, её глаза на мгновение потухли.

— Извини, — тихо произнесла она и откусила кусок пирога, будто пытаюсь скрыть за этим движением свои чувства.

Несколько секунд мы молчали, слушая, как тикают часы.

— Думаю, уже пора ложиться спать, — наконец сказала мама с натянутой улыбкой. — Если ты теперь мой работник, подъём будет ранним. — Она встала из-за стола и направилась к двери, бросив через плечо: — Спокойной ночи, Рэй.

Я осталась сидеть, глядя ей вслед. В груди тяжело заныло.

Чёрт, — подумала я. — Завтра нужно будет извиниться перед ней.

4 глава

Я Вижу препятствие перед собой — низкий барьер, едва заметный в предрассветной дымке. Чувствую, как Папирус напрягается под мной, приподнимает передние ноги. В следующее мгновение — мощный толчок задних копыт, и мы взмываем в воздух. Ветер свистит в ушах, хлещет по лицу, играет с волосами...

И вдруг — резкий, оглушительный звон! Папирус испуганно вздрагивает, теряет равновесие — и мы летим вниз, к земле.

Я резко просыпаюсь, задыхаясь, в холодном поту. Футболка липнет к спине, сердце колотится так, будто готово выпрыгнуть из груди. Поворачиваю голову к будильнику — его противный звон всё ещё режет слух — и с силой нажимаю на кнопку.

— Боже... — выдыхаю я, проводя рукой по влажному лбу. — Опять этот кошмар...

После освежающего душа я прошла на кухню. Стол был накрыт: свежее испечённые булочки стояли посредине в плетёной корзинке, по бокам от неё расположились фрукты и овощи, в бокале искрился персиковый сок, а тарелка яичницы с беконом манила меня всё сильнее.

Как только я села за стол, на кухню зашла мама. На ней были широкие потёртые джинсы и старая футболка цвета хаки. «Да, ещё нет и семи, а мама уже вся в работе», — с улыбкой подумала я.

— Доброе утро, мам.

— Доброе, милая, — она спешно подошла к кухонному шкафчику и стала что-то искать.

— Э... Мам, я бы хотела извиниться за вчерашнее. Мне не нужно было быть с тобой такой грубой, — я опустила взгляд на свои руки, которые лежали на коленях, и нервно тербила кольцо на среднем пальце.

— Дорогая, прекрати. Я прекрасно понимаю, что у тебя сейчас сложный период. Ты лучше ешь свой завтрак и выходи на улицу — у нас много работы, — сказала она, продолжая что-то искать в шкафу. — Есть, мэм, — рассмеялась я и приступила к своему почти остывшему завтраку.

— А что ты, собственно, ищешь? — с любопытством спросила я и сделала глоток персикового сока.

— Мне нужно найти документы на одну лошадь. На днях должен заехать мужчина, чтобы посмотреть её. Если сделка состоится, мы сорвём большой куш.

— Либо лошадь слишком хороша, либо мужчина очень щедр.

— И то и другое, дорогая. Нашла! Я побежала, а ты давай займись делами, — с улыбкой сказала мама и покинула комнату.

Солнце пекло сильнее, чем в пустыне. Силы постепенно покидали меня, а работа не заканчивалась — на ферме дела никогда не иссякают.

Чистка амуниции — единственное, что даётся мне легко: сидишь спокойно в тенике, моешь в прохладной воде уздечки, любишься пейзажем и ни о чём не думаешь. Но этот момент покоя прервал гудок грузовика.

Выйдя из своего укромного местечка — оно располагалось с задней стороны конюшни, — я направилась к источнику шума. Перед парадными дверями конюшни стоял грузовик с коневозом. На нём была надпись «HorseMid». «Где-то я уже видела это название», — подумала я и пошла к маме, которая рассказывала какому-то мужчине о лошадях.

Скорее всего, это и был тот щедрый покупатель «золотой лошади». Мы с родителями всегда так называли скакунов, за которых предлагали большие суммы.

Мужчина стоял спиной ко мне, а мама — напротив него. Я не особо хотела ни с кем знакомиться, поэтому жестом показала, что иду в конюшню. Но у моей матери всегда были другие планы.

— Рэй, приведи сюда, пожалуйста, Паруса, — окликнула она меня и с улыбкой посмотрела в мою сторону.

Мужчина обернулся и посмотрел прямо мне в глаза. Он был одет в брюки и серую рубашку, ботинки блестели на солнце. Его карие глаза словно затягивали меня всё глубже. Уложенные тёмные волосы, тёмная щетина и улыбка, придававшая ему особый шарм... Давно я не встречала мужчин, способных вызвать у меня такие эмоции. В животе будто все органы перевернулись.

— Э... Хорошо, — попыталась я придать голосу более спокойный тон, но он предательски дрогнул.

Я быстро направилась в конюшню, вывела прекрасного вороного жеребца с тремя белыми «носками» на ногах и повела его на улицу.

— Спасибо, Рэй, — с ухмылкой произнёс мужчина.

Его голос словно зачаровывал меня. «Либо у меня давно не было мужчины, либо я совсем сошла с ума, раз веду на типичного красавчика», — пронеслось в голове.

Он начал осматривать лошадь со всех сторон: ощупывал ноги и спину, проверял зубы, чтобы удостовериться в возрасте животного. Но при этом он явно обращал внимание не только на лошадь — я не раз ловила на себе его взгляд.

Отведя взгляд, я подошла ближе к матери и развернулась так, чтобы стоять лицом к ней.

— Ты уверена, что хочешь продать Паруса? — тихо спросила я. — Это единственное напоминание о Папирусе, которое у меня осталось...

Мать на мгновение замерла, а потом вздохнула.

— Я думала, что будет лучше исключить всё, что с ним связано, — мягко ответила она. — В любом случае так будет лучше для всех. И для тебя в первую очередь. — Она провела рукой по моим волосам и грустно улыбнулась.

— Но я... — не успела я договорить, как меня тут же перебили.

— Прощу прощения, — раздался позади меня красивый голос.

Я закатила глаза и развернулась в сторону мужчины.

— Я кое-что случайно услышал: вы говорили о Папирусе? Я слышал об этой лошади — она часто была на соревнованиях. Если в его крови есть хоть капля родства с ним, я заплачу в два раза больше, — с улыбкой сказал мужчина, поглаживая Паруса по шее.

— Я думала, что подслушивать чужие разговоры не особо принято в ваших краях. Но, видимо, ошиблась, — не скрывая недовольства, ответила я и сложила руки на груди.

— Извините мою дочь, это просто не слишком приятная тема для неё, — поспешно говорила мать и подошла к клиенту. — Пойдёмте поговорим в доме и обсудим все детали.

— Не нужно за меня извиняться! — резко выкрикнула я.

Она быстро приблизилась ко мне и грубо сунула в руки чембур².

— Быстро отведи коня в денник и не высовывайся, пока он здесь, — тихо проговорила мать, не скрывая злости.

Мои нервы были на пределе. Меня всегда было легко вывести из себя. Ни секунды не мешкая, я быстрым шагом направилась в конюшню, ведя за собой лошадь

5 глава

Свет ночника тускло освещал мою комнату. Пожелтевшие от времени обои в цветочек. У стены стоял коричневый старый комод, на котором пылились разные фарфоровые статуэтки. У окна — письменный деревянный стол; на нём, так же, как и на комод, выстроились фигурки лошадей. Ковёр был в тон обоям — такой же грязно-коричневый.

«Какой у меня раньше был отвратный вкус... Хотя для этого места, пожалуй, в самый раз», — подумала я, повернулась на бок, укрылась одеялом и попыталась как можно скорее уснуть. Но сон уже который час не шёл. Я сбилась со счёта, сколько так пролежала, пока звуки шагов под моим окном не насторожили меня.

«Неужто мама ходит? Работники вроде все разъехались по домам ещё вечером...»

Встав со своей тёплой постели, я босиком, на цыпочках подошла к окну. Моя комната находилась на втором этаже. Аккуратно выглянув вниз, я увидела прямо под окном силуэт мужчины. Недолго думая, я быстро метнулась к комоду и выхватила электрошокер из выдвижного ящика. Распахнув окно, я спрыгнула прямо на незнакомца.

— Кто ты такой?! — крикнула я, вцепившись ему в плечи.

Он пытался сбросить меня, размахивая руками, но все его попытки оказались тщетны.

— Я четырнадцать лет занималась конным спортом — думаешь, ты сможешь меня скинуть? — не скрывая смеха в голосе, сказала я.

Включив устройство, который сжимала в руке, я поднесла его к рёбрам мужчины. Тот издал что-то вроде рыка и упал на колени.

Резко спрыгнув на землю, я подошла к нему вплотную и сдёрнула капюшон.

— Ты?! — громко воскликнула я, не скрывая удивления. — Что, чёрт возьми, ты тут делаешь?

— Ты же подписал все документы на Паруса.

— Ты всегда носишь с собой шокер? — охрипшим голосом произнёс мужчина. Левой рукой он держался за рёбра.

— Я сейчас вызову полицию, если ты не уйдёшь отсюда! — крикнула я и сделала шаг вперёд, выставив перед собой руку с электрошокером.

— Успокойся, Хвостик, — ухмыльнулся он и поднялся с колен.

— Я хотел просто оставить тебе записку, — он указал на одиноко лежавшую на земле алую розу.

Тяжело вздохнув, я опустила свое оружие, подошла к цветку и подняла его.

— Почему «Хвостик»? — тихо спросила я, разглядывая бутон, который вертела в руках.

— А тебя так уже кто-то называл? — почти шёпотом спросил он.

² Это ремешок или веревка с петлей на конце, предназначенная для фиксации лошади во время различных процедур.

Замерев на секунду, я подошла к мужчине и протянула ему розу.

— Я примерно догадываюсь, что было в записке, поэтому заранее откажусь, — я старалась придать голосу как можно больше уверенности, но он предательски дрожал.

Парень сделал несколько шагов в мою сторону. Его горячие пальцы нежно обхватили мою запястье, в котором я держала цветок, и аккуратно притянули меня к себе. Я ощутила запах его потрясающего одеколона — терпкий, древесный, с лёгкой нотой цитруса.

Я невольно подняла глаза — и словно утонула в его взгляде. Глаза цвета кофе — такие спокойные, внимательные, будто он видел меня всю, до самого дна души. Я замерла, боясь пошевелиться. От неожиданности дыхание сбилось, и я сделала короткий, судорожный вдох. Кончики пальцев покалывало от странного желания — то ли отпрянуть, то ли, наоборот, чуть придвинуться ближе.

— Не будешь потом жалеть об этом? — прошептал он, почти касаясь моих губ.

Его дыхание обжигало кожу. Сердце готово было выпрыгнуть из груди. Я не могла оторвать от него взгляда. Но как только я заметила, что он приближается к моим губам, резко оттолкнула его. Роза выпала из рук, мягко опустившись на землю.

— Уходи отсюда, или я вызову полицию! — выдавила я, стараясь говорить, как можно увереннее.

Его смех приковал меня к земле. По спине пробежал табун мурашек.

— Я сказала, что-то смешное? — сложив руки на груди, недовольно процедила я.

— Ты не вызовешь никакую полицию, не надо меня постоянно этим пугать, Хвостик, — он слегка склонил голову набок, и в уголках его губ заиграла насмешливая улыбка.

— Прекрати меня так называть! Я же сказала, что не пойду с тобой никуда! — грубо отрезала я.

Мужчина сделал шаг вперёд — и я моментально, почти рефлекторно, отступила назад. Это вызвало у него короткий, низкий смешок.

Он начал медленно обходить меня по кругу, пристально разглядывая — так, будто оценивал экспонат в музее. Я чувствовала себя выставленной напоказ. Жар прилил к щекам, и я невольно сжала пальцы, впиваясь ногтями в предплечья.

Следя за ним напряжённым взглядом, я невольно отметила детали: чёрный спортивный костюм сидел на нём безупречно, подчёркивая широкие плечи и стройную фигуру. Ткань выглядела дорогой, а крой — продуманным, будто это не спорт, а подиум. «Не менее шикарно, чем рубашка сегодня днём», — мелькнуло в голове.

И тут до меня дошло с болезненной ясностью: я стою перед ним босиком, в майке без бюстгалтера и коротеньких шортиках. Лёгкая ткань майки едва прикрывала плечи, а шорты заканчивались так высоко, что я вдруг остро ощутила свою уязвимость.

Его взгляд задержался на мгновение дольше, чем следовало, скользнул по моим ногам, поднялся выше — и этого хватило, чтобы внутри всё сжалось от неловкости. Я отпрянула в сторону и, не раздумывая, бросилась к входной двери.

— Убирайся! — крикнула я, не оборачиваясь.

Я влетела в дом, захлопнула дверь и дрожащими руками повернула замок на два оборота. Прижалась спиной к прохладному дереву, пытаясь отдышаться. Сердце колотилось так сильно, что отдавалось в висках, в горле пересохло.

Дыхание вырывалось рваными толчками. Я закрыла глаза, пытаясь унять дрожь в коленях. Ощущение было такое, будто я только что убежала от дикого зверя — не просто опасного, а завораживающе опасного. Именно такой адреналин я ощутила, когда оказалась рядом с этим человеком: смесь страха, волнения и чего-то ещё, чего я боялась назвать даже про себя.

Паруса забрали через пару дней после ночного инцидента — тихо, буднично, без лишних слов. Будто и не было ничего: ни воспоминаний, ни эмоций, ни той хрупкой связи, что когда-то казалась такой важной.

Было грустно осознавать, что последняя частичка Папируса покинула меня — словно оборвалась тонкая ниточка, связывавшая с чем-то давно ушедшим, но всё ещё дорогим сердцу. Однако спорить с матерью я не стала: в глубине души я понимала — она права. Это пойдёт мне на пользу. Нужно отпустить всё, что с ним связано, — каждую мелочь, каждый отголосок прошлого, каждую тень воспоминаний.

Но, как ни старалась, я не могла отпустить из своих мыслей того мужчину, чьего имени я даже не знала. Всю ночь, ворочаясь без сна, я снова и снова прокручивала в голове случившееся.

Он хотел оставить мне записку и один-единственный цветок — скромный, но оттого не менее загадочный жест. Такие послания уже приходили ко мне в Хьюстоне: всегда анонимные, всегда с оттенком тайны. Помню чёрный автомобиль, который несколько дней словно следовал за мной по пятам, появляясь то на одной улице, то на другой. Я пыталась убедить себя, что это просто совпадение — случайность, не стоящая внимания. Но сердце подсказывало иное: между этими событиями есть связь, которую я пока не в силах разгадать.

Тем временем работа на ферме кипела, наполняя день смыслом и движением. Каждый был занят своим делом: кто-то ухаживал за животными, кто-то возился с инвентарём, кто-то проверял запасы кормов. После долгой и кропотливой чистки денников я решила передохнуть и направилась к старой беседке, спрятавшейся в тени раскидистых деревьев.

Погода менялась стремительно, словно отражая моё внутреннее состояние. Утром небо было ясным, солнце заливало всё вокруг тёплым золотистым светом, обещая тихий, спокойный день. Но к обеду горизонт затянули тяжёлые грозовые тучи, медленно, но неумолимо охватывая всё небо.

Лошади на полях, будто не замечая надвигающейся непогоды, резвились и играли друг с другом — перебежали с места на место, взмахивали гривами, иногда слегка толкались боками в шутилой борьбе. Это зрелище не могло не вызвать у меня улыбку: в их движениях было столько свободы, столько жизни, что на мгновение все тревоги отступили. Я не могла оторвать взгляда от этих грациозных животных — их силуэты чётко выделялись на фоне потемневшего неба, подчёркивая контраст между безмятежной радостью и надвигающейся бурей.

Первые капли дождя застучали по крыше беседки — сначала робко, неуверенно, а затем всё чаще и настойчивее. Раскат грома прокатился над головой, эхом отдаваясь где-то вдали, а вспышка молнии на мгновение озарила окрестности, выхватив из сумрака очертания деревьев и полей. Казалось, гром и молния борются за лидерство в небе, спорят, кто из них сильнее, кто оставит более яркое впечатление в памяти. Я сидела, вслушиваясь в эту стихийную симфонию, и чувствовала, как внутри меня тоже идёт какая-то борьба — между страхом перед неизвестностью и жадой разгадать тайну, что всё сильнее затягивала меня в свой водоворот.

В тихом и спокойном ритме прошёл месяц — дни тянулись, словно тягучая патока, но внутри меня всё кипело. Тайлер больше не появлялся на ферме. Ни намёка на его присутствие: ни случайного шороха в конюшне, ни тени за деревьями, ни даже отдалённого запаха кожи и сена, который, казалось, впитался в мою память. Моё любопытство переросло в навязчивую идею — я *должна* была узнать его имя, почувствовать, что он где-то рядом, даже если не вижу его.

Под покровом ночи, когда дом погрузился в сон, я пробралась в комнату матери. Сердце билось так громко, что, казалось, его стук разносится по всему дому, отдаваясь эхом в висках. Ладони вспотели, пальцы дрожали, перебирая бумаги на столе. Дыхание перехватывало

от волнения и страха быть пойманной. И вот — документ купли-продажи лошади. В графе «Покупатель» чёрными чернилами было выведено: *Тайлер Хейчен*.

Фамилия ударила, как пощёчина. *Хейчен* — та же самая, что и у моей главной соперницы, Рэйчел Хейчен. Мы друг друга не выносили с первой встречи: её высокомерные взгляды, снисходительные улыбки, язвительные замечания. Я всем сердцем надеялась, что они не родственники. Но интуиция шептала обратное, и это вызывало странный укол тревоги где-то под рёбрами.

Это выглядело, наверное, безумно, но я нашла его в социальных сетях. По фотографиям я узнала, что он занимался спортом — мускулистые руки на снимках с тренировок вызвали странное волнение внутри; играл на гитаре — пальцы ловко перебирали струны в коротком видео, и я невольно представляла, как они касаются чего-то более нежного; любил природу — множество пейзажей с горными тропами и лесными озёрами. Но я не увидела ничего, что связано с лошадьми. Это показалось мне странным, почти подозрительным. Человек, который занимается таким необычным спортом, наверняка выложил бы хотя бы одну фотографию с лошадью. Но за весь месяц — ни одной. Ни с лошадьми, ни вообще никакой новой публикации. Как будто он исчез, растворился в воздухе, оставив после себя лишь призрачное воспоминание.

Единственное, что отрывало меня от этого странного «сталкинга», была работа на ферме. Рутин, запах сена, тепло лошадей, скрип упряжи — всё это возвращало в реальность, но лишь на время. Иногда мы с матерью приезжали в Хьюстон по делам, и именно сегодня, по моей настойчивой просьбе, мы ехали на соревнования по конкуру³.

Несмотря на то, что за всё время пребывания у матери я так и не села на лошадь, пропустить состязания, к которым долго готовилась с Папирусом, было выше моих сил. Грустно осознавать, что я нахожусь по другую сторону боевого поля — не в седле, не с хлыстом в руке, а среди зрителей, сжимающих программки и аплодирующих чужим победам. В груди что-то сжималось, будто невидимая рука стискивала сердце.

Заняв свои места на трибунах, мы ждали начала выступлений. Народу было немало: разговоры, смех, споры о фаворитах создавали гул, похожий на шум прибоя. Все бурно обсуждали что-то, перебрасывались мнениями, делали ставки. Я нервно теребила край куртки, пытаюсь унять волнение.

Колокол прозвенел, и я тут же сосредоточилась на участниках, проходящих маршрут высотой 120 см. Некоторые преодолевали его чисто, с отточенной грацией; у других случались повалы — лошади задевали жерди, сбивались с темпа; третьи вообще отказывались прыгать, замирая перед препятствием. Но даже в неудачах они были прекрасны — гармония человека и животного, борьба воли и мастерства.

И вот назвали имя последней девушки, которая должна была пройти маршрут: Рэйчел Хейчен. Улыбка моментально пропала с моего лица. Я впиалась взглядом в её фигуру в элегантно-модном костюме для конкура. Она ловко и быстро преодолевали препятствия со своей гневной кобылой Хью — слаженный дуэт, отточенные движения, уверенность в каждом шаге.

После завершения маршрута девушку наградили. Третье место заняла незнакомая мне Меган Фирст, второе — Лили Нортман, с которой мы вместе участвовали на нескольких соревнованиях. Первое место, конечно же, досталось Рэйчел. Её лицо светилось от счастья, улыбка до ушей — триумф, заслуженная победа.

Я фыркнула и уже хотела подняться с места, как вдруг увидела, как к ней подбежал мужчина, поднял на руки и стал кружить. Сначала я не смогла разглядеть его лица, но когда он повернулся в сторону трибун, я сразу узнала *Тайлера*.

Сердце пропустило удар, потом забило так часто, что стало трудно дышать. Значит, я была права: они либо родственники, либо женаты. Но я не заметила на его руке обручального

³ галоЭто вид конного спорта, в котором всадник и лошадь должны преодолеть маршрут с препятствиями

кольца. Мысли путались, эмоции захлестнули волной: ревность, обида, разочарование — и где-то глубоко внутри — странное, необъяснимое облегчение. Быстро встав со своего места, я направилась в сторону парковки. Я слышала, как мама что-то кричит мне сзади, но сейчас я хотела только одного — уехать отсюда как можно скорее, спрятаться, укрыться от этих чувств.

Открыв машину, я села на водительское место и стала ждать маму. Она, видимо, сильно отстала от меня — я почти умчалась с трибун. Прошло достаточно времени, чтобы я начала переживать: её долго не было. Нужно было поискать её — думаю, она потерялась.

Открывая дверь, я случайно задела ею кого-то. Подняв голову, я увидела Тайлера с Рэйчел. О нет.

— Осторожно, хвостик, — улыбнувшись, сказал Тайлер. Его голос прозвучал так близко, так интимно, что по спине пробежали мурашки.

Сердце забилося сильнее, почти выпрыгивая из груди. Я не могла оторвать от него взгляда — будто весь мир остановился, замер в этой точке пространства и времени. Его глаза, улыбка, голос — всё это обрушилось на меня лавиной ощущений. В животе запорхали бабочки, дыхание сбилось.

— Ого, кто у нас тут, — с насмешкой в голосе сказала Рэйчел, переводя взгляд на меня. — Рэй, ты сегодня по другую сторону, как жалко.

Я перевела взгляд на неё, стараясь сохранить спокойствие, но внутри всё кипело:

— Если бы я была на боевом поле, то ты бы не заняла первое место, будь уверена в этом, — сказала я ровным, почти ледяным тоном, выходя из машины.

— Что-то на соревнованиях в Нью-Йорке ты с позором упала лицом в грязь. В прямом смысле этого слова, — парировала Рэйчел. — Тут жалко только лошадь — хороший был конь, с большим потенциалом.

Глаза стали наполняться слезами, ком застрял в горле. Воспоминания о том дне, о падении, о разочаровании — всё это вспыхнуло перед глазами, обжигая изнутри.

— Хватит, Рэйчел! — резко оборвал её Тайлер. Его голос прозвучал так властно, что я вздрогнула. — Иди быстро в машину!

— Тайлер, но я же...

— Я сказал — быстро! — не скрывая злости, повторил он.

Рэйчел молча ушла, бросив на меня последний язвительный взгляд.

— Прости за неё, — обратился ко мне Тайлер. Он сделал шаг ближе, и я уловила едва заметный аромат его одеколона — свежий, с нотками цитруса и древесины. Это вызвало странный трепет внутри.

— Мне не нужна твоя жалость! — грубо отрезала я и посмотрела ему прямо в глаза.

— Мне нужно найти свою маму, — добавила я, пытаюсь отстраниться, но ноги будто приросли к земле.

Только я хотела уйти, как его пальцы обхватили моё запястье и с силой притянули к себе. Я ахнула от неожиданности. Наши лица оказались в миллиметрах друг от друга. Его дыхание обжигало мои губы, запах кожи, смешанный с ароматом свежести, заполнил лёгкие. Время словно остановилось. Я чувствовала, как бешено бьётся его сердце — или это моё?

— Я хотел бы извиниться за свою сестру, — тихо произнёс он. Его голос звучал низко, бархатисто, и от этого по коже пробежали новые мурашки.

— Сестру? — едва слышно спросила я, чувствуя, как пульс отдаётся в висках, а в груди разливается странное тепло.

— Я заеду за тобой сегодня в 7 вечера. Будь готова, — его взгляд на мгновение задержался на моих губах, и что-то внутри меня дрогнуло.

Не успела я даже что-то ответить, как он резко отстранился и ушёл вглубь парковки, оставив меня стоять с колотящимся сердцем и вихрем противоречивых эмоций. Я прижала

ладонь к груди, пытаюсь унять дрожь. Воздух вокруг будто наэлектризовался, а в голове крутилось одно: Что это было?

Почти всю дорогу до дома мы ехали в молчании, нарушаемом лишь тихим шёпотом радио и мерным стуком колёс по асфальту. Эти звуки будто подчёркивали ту тяжёлую тишину, что повисла между нами.

Маму я заметила сразу — она оживлённо беседовала с каким-то мужчиной у парковки. В тот момент я была безмерно благодарна ей за то, что она не стала засыпать меня вопросами: почему я так внезапно ушла, что случилось, почему у меня такой потерянный вид...

В голове эхом звучали слова Рэйчел. Они жгли, будто капля яда, упавшая прямо на незажившую рану. Как она сумела так точно ударить туда, где больнее всего?

Когда машина остановилась у дома, мама молча вышла, бросив на меня лишь грустную, понимающую улыбку. Я осталась сидеть на месте, погружённая в водоворот мыслей. Через пару часов должен был приехать Тайлер — и с каждой секундой тревога внутри нарастала, словно волна перед штормом.

Выбравшись из машины, я направилась к дому, твёрдо решив собраться с силами. Я должна выглядеть безупречно. *Идеально*. Улыбка невольно тронула губы при этой мысли — глупой, трепетной надежде на что-то волшебное.

Не успела я дотянуться до дверной ручки, как кто-то окликнул меня по имени. Я обернулась и увидела Джона — нашего разнорабочего с фермы. Он всегда выполнял любую задачу с удивительной добросовестностью, за что мама его искренне ценила.

— Джон? Ты что-то хотел? Я немного спешу, — сказала я, стараясь говорить мягко.

— Рэй... я... — он замялся, нервно поглаживая затылок, и в его глазах читалась какая-то внутренняя борьба.

— Я слушаю, — ответила я, невольно начав тереть кольцо на среднем пальце — давняя привычка, выдающая моё волнение.

— Может, ты не против прокатиться верхом сегодня вечером? Я знаю одно место... Там невероятно красиво на закате, — его голос звучал робко, но в нём сквозила искренняя надежда.

— Джон, ты же знаешь, я больше не езжу верхом. Спасибо за приглашение, но я вынуждена отказаться. И, правда, я очень спешу, — я старалась смягчить отказ, но видела, как в его взгляде мелькнуло разочарование.

— Но мы могли бы съездить не верхом, а на машине, — он не сдавался, глядя на меня своими каре-зелёными глазами, в которых теплилась последняя искра надежды.

— Может, как-нибудь в другой раз, — мягко ответила я. — А тебе разве не нужно домой? — спросила я с любопытством, уже открывая дверь.

— Твоя мама попросила меня остаться на ночь в конюшне. Нужно присмотреть за одной кобылой — она может родить ночью, — Джон поправил кепку, стараясь выглядеть деловито.

— Вот видишь, у тебя и свои дела. Нельзя расстраивать маму — она тебе доверяет, — улыбнулась я. — До завтра, Джон.

Я вошла в дом и закрыла дверь, чувствуя, как что-то тёплое и горькое шевельнулось внутри.

— Рэй, иди ужинать! — донёсся мамин голос с кухни.

Аромат картофельной запеканки с грибами обычно сводил меня с ума, но сегодня желудок будто сжался в комок. Аппетита не было — только волнение перед встречей с Тайлером.

— Мам, я не голодна, я ненадолго отъеду по делам, — крикнула я, быстро поднимаясь по лестнице.

Стрелки часов неумолимо приближались к семи. Я металась перед шкафом, не зная, что надеть — ведь я понятия не имела, куда мы поедem. В итоге выбор пал на лёгкий белый

сарафан, который струился по телу, словно облако. Белые босоножки на небольшом каблуке, локоны, рассыпавшиеся по спине. Макияж — едва заметный: подчёркнутые ресницы, аккуратные брови и прозрачный блеск для губ. Идеально, — подумала я, взяла чёрную сумочку и вышла из комнаты.

Из маминой спальни доносились звуки телевизора. Что-то она сегодня не в духе... Я уже хотела зайти к ней, но тут услышала шум подъезжающей машины. Волнение накрыло с головой, сердце застучало быстрее. Ладно, поговорю с мамой завтра.

Я бросилась к зеркалу, поправила прядь волос, глубоко вздохнула и вышла на крыльцо.

У обочины стоял чёрный «Мерседес» — такой же, какой я несколько раз замечала в городе. Я отогнала тревожные мысли.

Возле пассажирской двери стоял Тайлер. Белая рубашка подчёркивала рельеф мышц, чёрные брюки и начищенные до блеска туфли завершали безупречный образ. Он улыбнулся — и моё сердце пропустило удар. В руке он держал букет алых роз.

На ватных ногах я подошла к нему, не в силах сдержать улыбку.

— Ты, прекрасно выглядишь, — сказал он, вручая мне цветы. Его голос звучал так тепло, что мурашки побежали по коже.

— Спасибо, — я приняла букет, стараясь скрыть смущение и не смотреть ему в глаза слишком долго.

Он по-джентльменски открыл передо мной дверь, затем закрыл её, сел за руль, завёл двигатель — и мы тронулись.

Бросив взгляд в окно, я увидела Джона. Он стоял у конюшни, и его взгляд, полный тихой грусти, был устремлён на нас. В руке он сжимал маленький букет полевых цветов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.